

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИЙ В ИЗУЧЕНИИ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX в.

Соловьев Роман Вадимович

старший преподаватель кафедры всеобщей истории
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В российской историографии рассматриваемого периода начинают активно обсуждаться и воспроизводиться образы отдельных этносов, наций и концепций национальных интересов. Появляются и первые попытки осмыслить историю «славянского племени» и его «отраслей». Эти попытки обретают все большую полноту, а вместе с тем и значение.

Изучение восточных славян и их белорусской и украинской составляющих осуществлялось в связи с разработкой общероссийской истории, этнографии, языка, литературы, культуры и т. п.

В этом отношении, в русской общественной мысли и науке XIX в. было весьма популярно представление о триединой русской нации, о «собирании русских земель» и воссоединении «русского племени», что оправдывало разделы Речи Посполитой и давало основание для утверждения о целостности Российской империи. Включая русских, белорусов и украинцев в единую этническую общность, проект «большой русской нации» акцентировал внимание на чертах, объединяющих эти народы, и относил различия между ними к несущественным местным особенностям. Отрицалась возможность идентификации украинцев и белорусов как самостоятельных общностей – в лучшем случае их считали западнорусами, и никакие проявления их самобытности, приписывавшиеся польскому влиянию, не поощрялись. «Формирование украинской и белорусской наций происходило в условиях острейшего русско-польского противоборства, наложившего видимый отпечаток на характер и темпы этого процесса» [1, с. 139].

Можно констатировать, что проект «большой русской нации», обладавший прежде всего политической направленностью, имел значение и для развития культуры, был воспринят обществом и многими учеными. На том этапе развития научных представлений высказанная идея отражала уровень этнического самосознания восточных славян и лишь одну из возможных перспектив его эволюции [1, с. 149–150]. Концепция триединства ветвей восточного славянства стимулировал работу историков, этнографов, филологов и других исследователей.

В учебниках и научно-популярной литературе Российской империи в вопросах этноидентификации доминировали достаточно простые классификации дихотомического характера, которые сводили разнообразие народов к простой схеме «мы/они».

В этом контексте становится актуальным рассмотрение проблемы дихотомии «Свой – Чужой». Она может быть осмыслена в том числе и через категорию «инаковости», производным которого является «инакообразие», что означало бы качественно иное, чем собственное состояние или явление этноса и его

культурно-исторических особенностей. Отсюда: «инаковость» – категория субъектно-объектных отношений, делающая возможной и актуализирующая оппозицию «Мы – Другие» – «Свои – Чужие». Чужие является носителем инаковости; инаковость при этом выступает их первичной характеристикой.

Многие ученые видели в литературе и языке наиболее яркое и последовательное проявление этой «инаковости», которой были лишены тексты философского и юридического характера отдельных народов, даже родственных.

Неслучайно именно язык как этнический признак и способы фиксации (путем описания и сравнения с другими) выступали основными принципами описания и сравнения народов и племен у многих ученых вплоть до конца XIX в., хотя способ его установления (внешним наблюдателем или по самоопределению) менялся на протяжении всей второй половины столетия.

В этом отношении весьма характерной представляется ситуация с Первой всероссийской переписью населения 1897 г., где в вопроснике не было пункта о «народности» (как этнической принадлежности). Вместо данного пункта был вопрос о «родном языке». Таким образом, «народность» прямо отождествлялась с языком.

Такая постановка проблемы вполне характерна для русских властей, которые в целях административной унификации империи русскую «нацию» рассматривали как государственную, а не этническую категорию. Более того, стремление реализовать свои интересы через отставание своей не только племенной «инаковости», но и посредством преследования собственных интересов уже в начале XX в. привел к смещению акцентов как в научных трудах, так и в официальных документах. Это было особенно заметно в случае с украинской проблематикой.

В любом случае, восприятие чужих через познание себя объективно приводило к стремлению русских ученых выяснить и четко детерминировать границы русского племени и его исторические особенности, что было особенно актуально на фоне общего роста самосознания народов империи.

Вследствие актуализации изучения славянского лингвогенеза и соотношения книжных и разговорных форм языка, в науке и публицистике этого периода наблюдается всплеск этнографических и фольклористических исследований восточных славян во всем своем многообразии.

В контексте генезиса лингвистических и этнокультурных классификаций оказался вопрос об этнонимах, особенно этнонима титульной нации (точнее народа, ибо нация находилась в процессе становления) «великороссов». В рассматриваемый период в этнографической и исторической науке господствовал взгляд основоположника российской этнографии Н. И. Надеждина.

Определяя характерные черты великороссов как одной из трех «ветвей» единого этноса, он считал, что главным способом их выявления является сравнение с малороссами и белорусами по ряду ключевых признаков. Благодаря сопоставлению «географического значения» термина великороссы и его этнографического содержания Надеждин заключил, что они не соответствуют друг другу, так как Великую Россию населяют представители многочисленных народов, а великороссы, в свою очередь, живут и за пределами России [2, с. 6]. Он полагал также, что именно этнографический смысл понятия (т. е. само слово великороссы) гораздо более употребителен, нежели географический. Именно Надеждин выделил главные отличительные свойства великорусского этноса, хотя подчеркивал, что его отличия малороссийского «оттенка» общерусской народности не является столь значимым, чтобы можно было заявить, «будто это не один русский народ, а две раздельные народности» [2, с. 6].

Надеждин, предлагая детальную программу этнографического описания русских, оказался перед сложной проблемой выявления «отраслевых» особенностей родственных народов, весьма схожих по всем указанным признакам. Даже этнонимы – наименования великороссы, малороссы белорусы были самоназваниями, а лингвистика на том этапе еще не сформировала точных дефиниций и иерархии языков, наречий и поднаречий. Лишь в начале XX в. вырабатываются некие точные дефиниции, хотя в научной литературе повсеместно встречались значительные смысловые расхождения [3, с. 7–10].

К концу XIX в. процесс определения статуса языков восточных славян был предпринят в серии статей в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, где были подведены некоторые итоги, резюмирующие длительные споры по данному вопросу. Так, автор

статей о великороссах, известный историк и антрополог Дмитрий Николаевич Анучин, освещая главные тенденции в российской историографии, как и большинство его коллег, поддерживал версию о единстве всех восточнославянских племен. Он пришел к заключению, что и в лингвистическом, и в антропологическом отношении великорусское племя (как и малорусское) испытало влияние языка и крови тех народов, с которыми в той или иной степени происходило смешение, но это, по его мнению, не помешало им сохранить и свой язык, и свою «народность» (т. е. этнокультурную самобытность) [4, с. 828–843].

Как видим, язык выставлялся на первое место, в т. ч. в определении статуса того или иного народа. Однако встречались и радикально альтернативные взгляды на роль и место языка в определении этнических сходств и отличий. Наиболее явно этот новый взгляд на данную проблему мы найдем в статьях И. А. Бодуэна де Куртенэ. В частности, он писал: «Язык племенной и национальный, является чистой отвлеченностью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков. Такой племенной и национальный язык состоит из суммы ассоциаций языковых предстателей с предстателями внеязыковыми – ассоциаций, свойственных видам и, в отвлеченном, абстрактном смысле, в виде среднего вывода, также народам и племенам» [5, с. 529–548]. С его точки зрения реальны только индивидуальные языки.

Вместе с постепенной сменой акцентов в вопросах этноидентификации, ученые начинают обращать внимание на внешние черты и особенности. Так, физические различия с развитием антропометрических методов в антропологии во второй половине XIX в. получают достаточно точные параметры определения. Что касается характера русских «отраслей», то они начинают восприниматься, в том числе, и на основании анализа материального и общественного быта, а не только литературы и фольклора.

Уже упоминавшийся Д. Н. Анучин постулировал, что единство этнографического типа «русских» в плане антропологии включает в себя «ряд типов, распространяющихся за пределы русской территории и вообще не зависящих от политических и историко-культурных условий» [2, с. 15]. Поэтому до конца столетия так и не была выработана окончательная версия регионального типа, как бы «назначенного» истинным выразителем этничности. Ни один из них, видимо, не обладал четко зафиксированными признаками и свойствами, которые требовалось знать для характеристики этноса в целом [2, с. 15].

В этом отношении интересна позиция М. О. Кояловича. Он отмечал: «... великороссы, и малороссы, и белорусы – один и тот же русский народ. Это прежде всего, а потом уже частности, особенности, которым никогда не следует давать преимущества перед основными элементами единства» [6, с. 11–12].

Несколько иначе расценивал данную ситуацию известный историк и этнограф А. Н. Пыпин. Признавая, что белорусский и малорусский народы входят вместе с великорусским в одно «племя», Пыпин в то же время не сомневался в этнической индивидуальности каждого из них [7, с. 21]. В общей классификации славянских народов Пыпин отнес к восточной ветви славянства русских, которые подразделяются на великороссов, малороссов и белорусов, имеющих свой язык и другие этнические признаки. На это обстоятельство важно обратить внимание, так как в различных работах Пыпин, употребляя термин «русские», имел в виду «племенную» совокупность трех народов [7, с. 21]. В XIX в. такое содержание вкладывалось в этноним «русские» многими историками, этнографами, филологами, в том числе и славистами. Вместе с тем и у Пыпина, и у других исследователей наряду с указанным расширительным толкованием понятия «русские» часто встречалось и употребление его в качестве обозначения только «великорусского» народа. Такой дуализм оставался характерным для исторического дискурса Российской империи вплоть до революции и появлению иных определений и толкований.

Следует отметить, что все предложенные объяснения истории восточнославянских народов имели характерную закономерность: представители украинского и белорусского национального движения в целом склонялись к т. н. «племенной концепции», т. е. констатировали изначальные различия предков трех народов, а российские исследователи явно смещали акцент в сторону вторичных влияний, разорвавших некогда единый этнос.

На общем фоне роста числа национально-ориентированных взглядов в историческом дискурсе продолжалось изучение как общеславянской проблематики, так и все более углубляющихся и заметных отличий между тремя восточнославянскими этносами. При этом следует указать на то обстоятельство, что проблемы этногенеза и нациогенеза в среде восточных славян были недостаточно хорошо разработаны. Это подтверждается как отсутствием прочных концепций, крайним плюрализмом мнений, так и отмеченной выше путаницей в понятийном аппарате.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горизонтов, Л. Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия / Л. Е. Горизонтов // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* – М., 2001. – С. 129–150.
2. *Лескинен, М. В.* Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) / М. В. Лескинен // *Славяноведение.* – 2010. – № 6. – С. 3–17.
3. *Шахматов, А. А.* Введение в курс истории русского языка / А. А. Шахматов. – Петроград : Научное дело, 1916. – 146 с.
4. *Великоруссы* // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона.* – Т. Va. – СПб., 1892. – С. 828–843.
5. *Язык и языки* // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона.* – Т. ХLI. – СПб., 1904. – С. 529–548.
6. *Коялович, М. О.* Ответ г. Костомарову на его статью в № 118 газеты «Голос» / М. О. Коялович. – СПб. : Воен. тип., 1864. – 37 с.
7. *Пыпин, А. Н.* История русской этнографии : в 4 т. / А. Н. Пыпин. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 4 : Белоруссия и Сибирь. – XII, 488 с.